

А. Г. Авдеев

Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля

В 2013 г. было опубликовано граффито на венчике кружального горшка, сделанное по сырой глине, из раскопок древнерусского города Ростиславля Рязанского (*Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013. С. 134–145*). Издатели датируют его по сопутствующему археологическому материалу первой половиной XIII в. Надпись сохранилась не полностью, имеющийся фрагмент читается так:

**(А)АЕУ АТӨТТТÖУ РӨЕР А ЕО (Г)
АТÇ Т Û Ä ÄÄ (И)**

Это дало возможность исследователям трактовать граффито как дарственную надпись неизвестного человеку по имени Юрий, которая одновременно содержит заклятие от вора.

Прямых аналогий в древнерусской эпиграфике данному граффито пока не существует. Однако прямая параллель ему присутствует в былине о Дунае, где описана надпись на богатырской чаре («Архангельские былины», 2003. С. 104. № 321, стк. 395–402):

Да на боцьки стоит цяроцька серебряна,
Не велика, не мала — да полтара ведра;
А на цяроцьки страстемн было пописано,
Со великими югрозами подрезано:
«Ишо хто же эту цяроцьку примёт единой рукой,
Ише хто эту цяроцьку выпьёт к едину духу —
Да тому человеку да живому не быть,
Жывому-то не быть и проць не уехати».

В иных вариантах былины встречаются и краткие изводы этой надписи, не меняющие суть ее содержания («Свод...», 2011. С. 342. № 57, стк. 37–38):

Ишша кто эта выпьёт цяру зелена вина,—
Не бывать этому дак живому здесе.

Суть надписи, таким образом, составляет запрет владельца на питье из его пиршественной чаши и угрозу смертью его нарушителю. Р.С. Липец (1969. С. 69, 70), впервые обратившая внимание на странный вариант эпической надписи, в качестве аналогий привела граффито XI в. на корчаге, найденной в Киеве: «[áääááääò] ГАӨА ТЕТТА ЕТӨ Х ААА НЁГ» (*Медынцева, 2000. С. 36–40, № 4*)¹. Второй эпиграфической аналогией исследовательница считает надпись на заздравной чаре черниговского князя Владимира Давыдовича (1139–1151 гг.): «А НА УАӨА Е Г А АТЕТАЕ Т ЕӨТАА АААУАТАУА ЕӨТ ЕЗ ГАА ТУ ОТИО ГА ÇАТӨТАУА А ОААЕ АТАА [Е] НАТААТ ВНТТААӨ А ААЕЕТАТ Е Г А» (*Рыбаков, 1964. С. 28. № 24*). Р.С. Липец отметила благожелательный характер обеих надписей, отметив, что в Древней Руси, судя по цитируемой надписи на чаре, могли быть надписи и противоположного содержания. Опубликованное граффито из Ростиславля показывает, что надписи-заклятия также входили в эпиграфический репертуар Древней Руси, об этом свидетельствуют и цитируемые былины.

Конечно, былины, как любой памятник эпоса, являются своеобразным историческим источником. Как отмечал Б.Н. Путилов, фольклор не просто воспроизводит действительность: в процессе трансформации повседневной реальности он «приносит немало фантастического, нереального, обогащает образы и картины вымыслом. Фольклору

¹ Нужно сказать, что автор данной статьи не совсем согласен с реконструкцией цитируемого текста, но это тема для отдельного исследования.

меньше всего свойственна документальность и строгость в обращении с “источниками”» (Путилов, 2003. С. 135). При этом, что немаловажно, по мнению исследователя, бытовая фон былин, а особенно предметный мир, подвижен: сохраняя реалии прежних эпох, певцы вносят собственные, соответствующие их представлениям об эпическом быте и личному опыту (Путилов, 1988. С. 123). Тем не менее в качестве примера можно привести «кубок Нестора», упоминаемый в «Илиаде» как предмет, принадлежащий эпическому герою и обладающий индивидуальной формой, украшениями и объемом (Нот., II, XI, 632–637). Существование реальных прототипов этого предмета во времена Троянской войны доказала золотая ваза, найденная Г. Шлиманом в Микенах, более или менее (с поправкой на присущую эпосу гиперболизацию) соответствующая гомеровскому описанию. На заре письменной истории греки уже считали «кубок Нестора» символом эпической роскоши: в древнейшей древнегреческой стихотворной надписи-граффито на стенке глиняного кубка

середины VIII в. до Р.Х., обнаруженного в окрестностях Питекусы на острове Искья, последний противопоставлялся ему скромностью (Meiggs, Lewis, 1989. P. 1. № 1; Чистякова, 1975. С. 28–40; Зайцев, 1987. С. 59–65; Powell, 1991. P. 163). Точно так же и в рассматриваемом случае цитируемые выше былинные надписи являются реальной параллелью к граффито на венчике горшка из Ростиславля Рязанского.

Еще одну параллель данному граффито дает надпись на дне берестяного лукошка из Новгорода, датированная первой четвертью XII в. (берестяная грамота № 957, раскопки 2006 г.), которая содержит название предмета, имя его владельца (Войбуды), проклятье тому, кто $\theta\epsilon\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\alpha\delta\upsilon$ (значение глагола неясно; В.Л. Янин предлагает трактовать его как ‘уколот’) этот предмет, а также имя автора надписи (Шевко) (Янин, 2013. С. 308–309). В совокупности запретительные надписи на бытовых предметах XII в., имеющие аналогии в былинных артефактах, позволяют еще раз поставить вопрос об историчности некоторых реалий, встречающихся в русском эпосе.

Литература

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. III. Мезень. СПб., 2003.

Зайцев А. И., 1987. Лексико-стилистические особенности надписи на «кубке Нестора» из Питекусы // *Philologia classica*. Вып. 3. Л.

Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. № 3.

Литец Р. С., 1969. Эпос и Древняя Русь. М.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М.

Путилов Б. Н., 1988. Героический эпос и действительность. Л.

Путилов Б. Н., 2003. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.

Свод русского фольклора. Былины. Т. 6: Былины Кулея. СПб., 2011.

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М. (САИ. Вып. Е1–44).

Чистякова Н. А., 1975. Древнейшая греческая эпиграмма (надпись Нестора из Питекусы) // ВДИ. № 4.

Янин В. Л., 2013. Я послал тебе бересту... Изд. 4-е. М.

Meiggs R., Lewis D., 1989. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxford.

Powell B. B., 1991. Homer and the origin of the Greek alphabet. Oxford.

A. G. Avdeev

On an epic parallels to the graffito from Rostislavl

Summary

One of the parallels to the graffito on the aureole of circular pot of the first half of the 13th century from excavations of Rostislavl Ryazanskiy, which is treated as an inscription containing spell from a thief, are

the inscriptions on the banquet bowls in the epics of the Danube, as well as the inscription on the bottom of a birch bark basket from Novgorod (first quarter of the 12th century) (Charter № 957).